

Малой

Год выдался куда как скверный. Бывало и хуже — это правда. Но это же не повод говорить, что всё в порядке? Никакого порядка не наблюдалось тогда на горизонте. На моём уж точно. Да и вокруг складывалось по-всякому. Я, конечно, человек маленький, могу ошибаться. Только вряд ли, не в этот раз.

Что за год, а?! Давно жизнь так не изгалялась! Ровно с тех пор, как померли родители. Хоть и приёмные (папаша — тот вообще был редкостная сволочь), а всё одно — жалко. И их, и себя, конечно, но их жальче. Потому как такой смерти никому не пожелаю. Это я к чему вспомнил? К тому, что год был скверный из-за мутантов. У нас в Пустоши так и говорили: «год мутанта».

Из аномалий понанесло заразы за всякую меру. Да такой поганой и зловредной, что и сравнить не с чем. Вот как я к банде складских прибился? Правильно: вырезали чёртовы

твари всё наше село в одну не шибко прекрасную ночь. А я сбежал. Жрать нечего. Оружия нет. Не считать же за оружие плотницкий топор? И вообще, человек в одиночку на Пустоши — это не человек, а обед, даже если у него автомат на груди и полная сухарка. Схарчат за милую душу.

Я не захотел пойти на фарш, честно. Надеюсь, вы такое моё желание поймёте. Или как это говорят... мотивацию. Поплутал деньков пять, страхов натерпелся и добрёл до тех самых Складов, где верховодил тогда атаман Ферзь, царствие ему небесное, гниде такой! Да, да, до Складов, что за Ельчанском.

Пять дней в Пустоши без толкового оружия — многовато, тут ваша правда. Но так я ж не пионер из Победограда, я в Пустоши родился. Да и повезло, чего греха таить. Не попался на глаза мутанту, не влип в аномалию, лихие люди не заприметили. Заприметили, наоборот, люди фартовые — со Складов. Разница умозрительная, ведь фартовый парень для другого вполне может стать лихим, но не для меня.

Пошёл к ним служить, делать нечего. Жить-то как-то надо! Хоть и не жизнь там была,

а чистое мучение. Я ж по их понятиям — дятел, шестёрка. Чтобы в тузы выбиться, надо быть по душегубному делу, или по воровскому, или по торговому. Душегуб из меня сами видите какой — никакой! Воровать не обучен. Насчёт торговлишки... необходимо сперва продать что-то ненужное, а после купить что-то кому-то нужное, а у меня и ненужного не было.

Хотя насчёт туза я загнул, мне бы до валета дотянуться, что по здравому рассуждению тоже не светило.

Словом, пришлось шестерить, ждать, когда шанс выпадет, но эта паскуда, как обычно, взяла перерыв. Видать, вся моя удача в селе Разъезжем вышла.

Скажи, мол, спасибо, что тебя, болезного, мутанты не порубали с остальными до кучи!

Оно, конечно, спасибо. Низкий поклон. Не в претензии, дай бог, чтобы и дальше так. Не подумайте только, что я ною или, там, давлю на жалость! От нытья толку всё одно никакого, а насчёт жалости — кому я нужен! Я просто описываю, как оно у меня складывалось. Или, как говорят умные люди,.. диспозицию.

Короче, скверный был год.

Невеста от меня ушла к бывшему лучшему другу. Да только без толку — скоро обоих порвали на кусочки в селе Разъезжем, а я подался в бандиты.

Незадолго до того на Складах поменялась власть. Ферзь поставил на пику бывшего атамана Петруху Нетопыря, а новая метла сами знаете, как метёт. Ферзь вообще — мужчина был серьёзный, а уж как в тузы вышел, так только держись. Никому спуску не давал, а давал, наоборот, пенделей — досталось и мне. Я ж молодой, едва к банде прибился, да и масть далеко не козырная.

Так что это был год не только мутанта, но и Ферзя. Звали его Василием Альбертовичем Фрязиным, но он больше любил погремуху свою фартовую. А как же! Ферзь! Звучит!

Ещё это был год Деда. Можно сказать, в его лице мне снова улыбнулась удача. Это, правда, как поглядеть. С одной стороны, он меня не угробил, хотя мог с полным основанием. Он же мне спас жизнь. С другой стороны, я залетел на нары. С третьей — нары в Победограде куда лучше могилки в Пустоши.

Дед — это фигура занятная.

Величали его всяко-разно. Кто Бородой (а ведь не было у него бороды!), кто Дедом, а кто просто говорил: Старый. Карапетян (ну, Фрунзик Карапетян, со Складов) звал его аксакалом. Что за аксакал такой? Чёрт его знает. Может, слово запомнилось неправильно — словечко-то чужое!

Но как ни назови, Дед — это Дед.

Возраста его никто не знал, и я не знал, что, впрочем, не показатель, так как сколько мне точно лет — я тоже не ведаю. Что-то между девятнадцатью и двадцатью. Или двадцатью двумя. Салага, одним словом.

Деду, ясен хрен, было больше.

Сколько — вот вопрос. Мне, например, не без интереса, да только пойдя спроси у него!

На вид ему можно дать лет шестьдесят, а может и все семьдесят. Не удивлюсь, если бы оказалось, что полтинник, но это вряд ли. Такая, словом, консерва, что и в сто лет не поменяется. Весь седой, лицо в морщинах, а глаза острые. Сощурится, глянет — и аж до костей, если вы понимаете, о чём я.

Росту высокого, не сутулится, как оно бывает со стариками. Походка бодрая, я бы даже

сказал, резкая. Словно в любую секунду готов побежать. Чисто пружина — не человек!

Но это всё ерунда.

Главное, этот тип жил в Пустоши один! Понимаете, граждане, один! Я, молодой, здоровый лоб за пять дней едва не обгадился! А он в одиночку годами, если не десятилетиями. Запросто бывал на Складах. При этом также запросто хаживал в Гарнизон к Кировчанину.

На Складах это не знал, наверное, только ленивый, но никто его не трогал, хотя за шашни с гарнизонными любого другого порвали бы на тряпки. И рвали, можете мне верить. Кстати, где именно он проживал, тогда было неизвестно.

К Деду мы ещё вернёмся, ибо вся история затеяна ради него. Но чуть позже. Пока про моё житьё-бытьё.

Устроился я на Складах подручным у Семёна, которого все погоняли Кухмистером. Кухмистер — это вроде как повар. Однако не хотел бы я оказаться на месте того, кто в цвет объявит Семёна поваром! Можно огрести до детского голоса. И можно было, и сейчас всё ещё можно. Дело такое: кухмистер — не просто повар, а начальник кухни. Семён говорил,

что так называлась должность при королевских дворах.

Врал, наверное. А может, и не врал. Семён — человек образованный, нам не чета.

Короче говоря, как вы уже догадались, он держал кабак на Складах.

Не нужно думать, что этот подвижник общепита был просто подвижником общепита. Ошибка потому что. Многие её допустили, но выжили из них вовсе не все. Кабак у бандитов был чем-то вроде биржи: там искали заказы, толкали краденое, делились новостями (не задарма, конечно) и так далее. Но и покушать-выпить можно было, кабак всё-таки. Кухмистер же властвовал над всем хозяйством. И сам не гнушался грязнёньким — денежки ведь не пахнут.

По молодости Семён был знатный налётчик. Мог и ограбить, и пришить, и долг стясти. Мог и после — в кухмистерские годы, хотя предпочитал профессию посредника. Так оно спокойнее.

— Кто не сечёт, тот крепко устаёт, Вакса! — сказал он как-то, подсчитывая дневной барыш.

Вакса — это я. Вообще-то «ваксой» разбойнички называли водку. Я исполнял обязан-

ности полового, подносили то есть, а имени моего никто запомнить не удосужился. Ну и прикипело.

— Эй, волоки ваку! — обычный крик в мой адрес.

Не звать же меня просто «эй»? Вот «вакса» и прилепилась. Что неплохо, потому как вызывает вполне положительные мысли. Или эти, как их... ассоциации. Было бы куда хуже проживать с кличкой вроде Унитаз или Корма (жопа то есть). В этой среде с таким прозвищем не жизнь — ад, потому как в прозвище окружающие справедливо видят твою суть. Откликаешься на Задницу, значит, таков и есть.

Пришлось бы драться. И дрался бы, будьте уверены. И, скорее всего, пришибли бы вашего юного друга за милую душу.

Так что Вакса — в самый раз.

Кроме того, меня погоняют Малым. Не знаю, как правильно писать: с заглавной буквы, или прописью, потому что это вроде бы и не кличка. Роста я невеликого, статью не вышел, да и возраст... ну вы уже поняли: малой.

Людское моё имя — Анатолий Андреевич Пороховщиков. Для друзей просто Толя.

С Дедом я познакомился зимой. Уходил в прошлое год двухтысячный. Весело уходил, как положено: с искристым снежком, незлым морозцем и долгими звёздными ночами, когда всё честное христианство любит «посидеть». Посидеть, крепко закусить, да и «ваксу» обычно вниманием не оставляли.

Насчёт христианства-то я не оговорился. Везде, где крепка советская власть, к религии относятся спокойно, но никто в здравом уме не станет говорить про общество «христиане». Иное дело «общество», сиречь разбойники. Суеверный это народ. Почти все таскают кресты на шеях, и каждый отпетый душегуб любит на людях помянуть Бога или положить поперёк груди широкое, размашистое крестное знамение. Это считается хорошим тоном и должно приносить удачу.

Декабрь двухтысячного случился беспокойным.

На Склады занесло целую бригаду блатных. Не урождённых «вольными людьми», не прибившихся к бандам навроде вашего рассказчика, а именно блатных. Настоящий, исколотый куполами и звёздами, материал тюремной выделки. Всех остальных,

за редким исключением, они за людей не держали.

Да, да, именно за людей, так как «человек» по их понятиям — это свой, уголовник. Остальные подразделяются на многочисленные категории: бакланов, шнырей, мусоров, сук, баранов и прочая. Ну какой, скажите на милость, из барана человек? А тем более из мусора (сотрудника милиции то есть).

Эти были особенно лютые.

Эти ломанулись с этапа при переводе из Лыткаринского гарнизонного КПЗ в Победоград, перебив мрачное число конвойных. Их было семеро. Все поголовно ранее осуждённые, рецидивисты. Закон с такими не церемонится — пуля в затылок, и вся недолга. По этой причине они почитали себя «отморозками», которым терять особо нечего. И теперь искали места под зимним солнышком, чтобы, значит, приобрести, что можно потерять. Авторитетная и многочисленная банда складских (нас, грешных), по мнению их старшего — Рыбака, подходила лучше всего.

«Рыбак», чтобы вы понимали, значит, что хозяин погремухи не раз и не два «валил красноперых» — сотрудников охраны порядка,

солдат и милиционеров. Тот ещё персонаж, если говорить коротко.

Уйдя в бега, бригада натворила дел в округе. Теперь, уже почти неделю, они пропивали награбленное и ждали, что по их поводу решит Ферзь.

* * *

Когда в шестьдесят втором из-за той заварушки на Кубе полетели ракеты и бомбовозы, на месте Складов были... склады. Какие-то мобилизационные запасы третъестепенной важности. Их охраняла рота срочников, затерянная среди тысяч куда более значительных воинских частей необъятной нашей Родины.

ВЧ с утраченным для истории номером не досталось ни грамма ядерной взрывчатки — ну ещё бы! — такая «завидная» мишень для плана Объединённой группы штабов НАТО! Тем не менее роту бросили в огонь последней войны, где она и пропала без следа.

После... что было после — знают все.

Мы победили.

Да только правы оказались говорившие, что победителей в ядерной войне не будет.